

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ФОРМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Янушкевич А.С.¹, Кошечко А.Н.^{1,2}

¹ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, Россия (634050, г. Томск, пр. Ленина, 49), e-mail: Nastyk78@mail.ru

²ФБГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», Томск, Россия (634050, г. Томск, ул. Киевская, 60),

Колоссальная философская интуиция Достоевского и уникальность его личного облика образуют уникальный сплав, который, ориентируясь на методологию своей науки, исследуют и философы, и психоаналитики, и литературоведы, используя наблюдения специалистов смежных отраслей знания как прецедентный опыт анализа форм его экзистенциального сознания. Психоаналитические исследования творчества Достоевского можно рассматривать как специфические научные эксперименты, направленные на поиск адекватной изучаемому предмету методологии исследования. Несмотря на существенный для данного подхода элемент субъективности и использования идей автора для иллюстрации собственных теоретических положений, психоанализ произведений позволяет выявить особенности уникальной структуры экзистенциального сознания Достоевского. Не рискуя использовать метод «свободных ассоциаций» в рамках литературоведческого исследования, мы тем не менее получаем методологические основания для разговора об особенностях мировидения писателя. Психоанализ позволяет нам увидеть первоисточник многих мифологических построений достоевсковедения в интерпретации отдельных фактов биографии писателя (в частности, его крайне непростых отношений с отцом), особенностей его художественного метода, проблематики и поэтики произведений.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, русская литература, экзистенциальное сознание, творчество, психоаналитический подход, личность, экзистенциальная антропология, религиозный опыт, религиозная философия, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, А. Адлер, З. Фрейд, Д. Ранкур-Лаферьер, Г.С. Померанц.

PSYCHOANALYTIC APPROACH TO STUDYING OF FORMS OF EXISTENTIAL CONSCIOUSNESS IN CREATIVITY F.M. DOSTOYEVSKY

Yanushkevich A.S.¹, Koshechko A.N.^{1,2}

¹The national research Tomsk State University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenin Avenue, 49), e-mail: Nastyk78@mail.ru

²Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Kievskaya Str., 60),

Dostoyevsky's enormous philosophical intuition and uncommon uniqueness of his personal shape form a unique alloy which, being guided by methodology of the science, investigate both philosophers, and psychoanalysts, and literary critics, using supervision of experts of allied industries of knowledge as case experience of the analysis of forms of existential consciousness of Dostoyevsky. Psychoanalytic researches of creativity of Dostoyevsky it is possible to consider as the specific scientific experiments directed on search of methodology adequate to a studied subject of research. Despite an element of subjectivity essential to this approach and use of ideas of the author for an illustration of own theoretical provisions, psychoanalysis works allows to reveal features of unique structure of existential consciousness of Dostoyevsky. Without risking to use a method of «free associations» within literary research, nevertheless, we receive the methodological bases for conversation on features of a outlook of the writer. Psychoanalysis allows us to see the primary source of many mythological creation of a science about Dostoyevsky in interpretation of the separate facts of the biography of the writer (in particular, his extremely difficult relations with the father), features of his art method, a perspective and poetics of works.

Keywords: F.M. Dostoyevsky, Russian literature, existential consciousness, creativity, psychoanalytic approach, personality, existential anthropology, religious experience, religious philosophy, N.A. Berdyayev, L. Shestov, A. Adler, S. Freud, D. Rankur-Laferyer, G.S. Pomerants.

Психоанализ литературы – достаточно специфическая область знания, отличающаяся высокой степенью субъективности. Особенно ярко субъективность интерпретации проявляет себя в тех ситуациях, когда исследователь не имеет возможности опираться на достоверные

факты и использует в качестве аргументационного арсенала косвенные источники. В случае с Достоевским мы наблюдаем у специалистов-психоаналитиков стабильную тенденцию использовать произведения писателя как способ проявления свойств его экзистенциальной личности. Отсюда – «странные сближенья», со смысловой противоречивостью которых трудно согласиться. Но есть и несомненное достоинство этих работ – их пристальное внимание к сфере сознания и способам его репрезентации через текст. Поэтому вполне допустимо рассматривать психоаналитические исследования творчества Достоевского как специфические научные эксперименты, направленные на поиск адекватной изучаемому предмету методологии исследования.

Появление первых работ в данном направлении хронологически близко появлению работ русских религиозных философов порубежья (Н.А. Бердяева, Л. Шестова, В.В. Розанова и др.), что представляется нам важным фактом, свидетельствующим о стратегической значимости изучения творчества Достоевского в эпохи кризиса, отчетливых цивилизационных сдвигов. Колоссальная философская интуиция писателя и уникальность его личностного облика образуют уникальный сплав, который, ориентируясь на методологию своей науки, исследуют и философы, и психоаналитики, и литературоведы, используя наблюдения специалистов смежных отраслей знания как прецедентный опыт анализа форм его экзистенциального сознания.

Наиболее значимыми нам представляются работы следующих представителей этого подхода: А. Адлера («Достоевский») и З. Фрейда («Достоевский и отцеубийство») – в психологии, Д. Ранкур-Лаферьера («Русская литература и психоанализ: четыре способа взаимосвязи») и Г. Померанца («Открытость бездне. Встречи с Достоевским») – в литературоведении.

В своей работе «Достоевский» (1918) А. Адлер останавливается на анализе нескольких показательных моментов, определяющих специфику мировидения Достоевского и реализующихся в экзистенциальной картине мира его произведений. Доминантным смысловым вектором концепции становится мысль о стремлении писателя к обретению внутренней цельности, которой он был лишен в силу остро переживаемого им на протяжении всей жизни комплекса неполноценности, отчужденного существования (наиболее остро проявившегося на каторге), стремления к превосходству в творчестве и неоднозначности духовной ориентации, неразрешенности вопроса о Боге. Мысль о стремлении Достоевского к преодолению расколотости его внутреннего Я представляется нам вполне обоснованной, тем более что она соответствует планомерно реализуемой писателем программе Синтеза «в высшем смысле»: «Кто таит и вынужден преодолевать в себе такие противоречия, тому необходимо докапываться до самых корней, чтобы обрести в

себе состояние покоя. Ему приходится переживать муки жизни, трудиться, он не может пройти мимо любой мелочи, не приведя ее в соответствие со своей формулой жизни. Все в нем требует единого взгляда на жизнь, позволяющего обрести уверенность в себе и покой в его вечных сомнениях, колебаниях, в его расщепленности и неугомности» [1, с. 204].

Для обретения себя как личности, для выстраивания внутренней целостности писателю было необходимо трагически переживаемое им состояние изоляции от других людей, которое впоследствии он будет вспоминать с благодарностью как уникальный опыт духовной концентрации и «высвечивания» экзистенции. Отчуждение здесь – не только социальная проблема, связанная с «острыми словесными противоречиями»: «Судьба предоставила Достоевскому возможность глубоко осознать раскол русского социума на два сообщества, в котором мир богатства и роскоши противопоставлен миру бедности и нищеты. Каторга помогла писателю осмыслить отчуждение этих миров друг от друга» [6]. Безусловно, мотив трагической разделенности русской нации присутствует и в художественных, и в публицистических текстах Достоевского, но смысловая доминанта этого мотива – не социальное неравенство, а ситуация богооставленности, расхождения духовных векторов существования народа и дворянства, народа и интеллигенции. Мысль А. Адлера верна в своем экзистенциальном основании (отчуждение является одной из атрибутивных характеристик экзистенциального сознания), но последующие интерпретации этой идеи зачастую представляются весьма сомнительными.

Важной для понимания принципов экзистенциальной антропологии Достоевского является мысль психоаналитика о наличии в характере самого писателя и его героев симптоматики комплекса неполноценности, которая проявляет себя в стремлении личности, осознающей свою несостоятельность, к гиперкомпенсации через осуществление амбициозных планов. Адлер говорит о «метафизической эволюции» Достоевского и его героев: у них нет качеств для успешной реализации своей экзистенции в обществе, поэтому они вынуждены искать пути для утверждения своей самости через превосходство над другими людьми. В этой логике можно сказать, что экзистенциальный прорыв в разряд исключительных личностей происходит у самого Достоевского в творчестве (здесь в качестве аргумента Адлер привлекает высказывание писателя о себе: «Я непозволительно честолюбив»), у Раскольникова – в его теории о «тварях дрожащих» и «тех, кто право имеет» «на кровь по совести», у Гани Иволгина и Рогожина – в уверенности в абсолютной власти денег, у Ивана Карамазова – в умении манипулировать людьми. Но у этого «прорыва» существуют отчетливые границы в виде моральных норм Православия, выйти за которые ни сам писатель, ни его герои не могут. На наш взгляд, эта идея достаточно интересна с точки зрения психологии, но несколько искусственна в плане анализа художественного мира

Достоевского, потому что по многим позициям противоречит его аксиологическим установкам. Все перечисленные варианты гиперкомпенсации, преодоления собственной неполноценности представляют собой экспериментальную реализацию индивидуалистической модели существования, атеистического сценария судьбы. Смысл не в том, что герои и сам писатель боятся выйти за пределы моральных норм¹. Он показывает опытным путем, как исчерпывает свой созидательный потенциал личность в мире агрессивного-персоналистического интерактива, как лишается смысла своего существования, переживает распад собственной экзистенции и рефлексирует о его последствиях, понимая свое отпадение от Истины как личную трагедию богооставленности. Поэтому несколько психологически-прямолинейным нам представляется следующее утверждение А. Адлера об авторском произволе Достоевского: «Подгоняя жалом честолюбия, тщеславия и себялюбия, он заставлял их переходить за черту дозволенного, но затем навлекал на них хор эвменид и загонял обратно в рамки, которые, как ему казалось, были определены самой человеческой природой, где они, обретая гармонию, могли петь свои гимны» [1, с. 209].

Обращает на себя внимание и внутренняя противоречивость исследовательской позиции Адлера. С одной стороны, он говорит о наличии в мире Достоевского сдерживающего императива – веры в Бога, которая не дает человеку окончательно потерять себя (отсюда разделение героев на отпавших от Бога, «метафизических лилипутов», и соединенных с Ним, всесильных, разрастающихся до гигантских размеров). С другой стороны, писатель как «революционер духа»² далек от смирения и покорности, двух принципиально важных качеств, свидетельствующих о существовании человека в Истине, в соединении с Богом. С точки зрения Адлера, Достоевский – бунтарь: для него смирение и покорность являются формой протеста и «указывают на дистанцию, которую нужно преодолеть» [1, с. 210] для обеспечения себе превосходства над другими. В этом случае вера в Бога – скорее моральный, а не нравственный (и уж тем более духовный) императив.

Еще одна позиция в работе Адлера о Достоевском требует комментария. Он говорит о «завершенной целостности» героев писателя: «В любом месте вы всегда можете понять и изучить героя Достоевского, снова и снова вы находите слитыми воедино стремления его жизни и средства их осуществления. То же самое и в образах Достоевского. Раскольников один и тот же и когда, лежа в кровати, размышляет об убийстве, и когда с колотящимся сердцем поднимается по лестнице, и когда извлекает пьяного из-под колес телеги и, отдав последние копейки, поддерживает его прозябающую в нищете семью» [1, с. 209]. С этим

¹ Отметим, что формулировка «моральные» предполагает соблюдение личностью неких внешних, социальных запретов, хотя для Достоевского приоритетным является уровень нравственного соблюдения и реализации в поступках этического императива, который личность принимает как свой персональный выбор и несет за него персональную ответственность.

² Показательно, что подобную оценку Достоевскому дает и Н.А. Бердяев [2].

утверждением трудно согласиться, поскольку Достоевский всегда придерживался совершенно иной позиции: человек принципиально незавершен, он все время находится в движении, в созидании себя как личности. Ценностный вектор этого движения может быть разным, но факт его существования для писателя является одной из обязательных характеристик экзистенции человека. Здесь нам видится ошибка Адлера в терминологическом обозначении явления: речь идет об особой «целостности» сознания героя-идеолога (показательно, что в качестве примера приводится именно Раскольников) и его исчерпанности, «завершенности» идеей. Конфликт «идеи и натуры», перманентное существование в ситуации внутренней борьбы между pro et contra раскалывает Я человека³, поэтому он стремится к целостности, но в полной мере так и не достигает ее.

Открытия Достоевского-психолога, изображающего аномальные состояния сознания, привлекают внимание и З. Фрейда. В своей статье «Достоевский и отцеубийство» (1928) он исследует проявление бессознательных импульсов, оказавших влияние на специфику сюжетных линий и структуру произведений писателя.

Фрейд выделяет четыре ипостаси, отражающие многогранность сознания писателя: художник, невротик, грешник и моралист. Как и Л. Шестов [11], он предполагает наличие преступных склонностей в душе писателя, которое является разумным объяснением его интереса к преступным характерам. Наиболее уязвимым в связи с этим является образ Достоевского-моралиста: «Представляя его человеком высоконравственным на том основании, что только тот достигает высшего нравственного совершенства, кто прошел через глубочайшие бездны греховности, мы игнорируем одно соображение. Ведь нравственным является человек, реагирующий уже на внутренне испытываемое искушение, при этом ему не поддаваясь. Кто же попеременно то грешит, то раскаиваясь, ставит себе высокие нравственные цели, – того легко упрекнуть в том, что он слишком удобно для себя строит свою жизнь. Он не исполняет основного принципа нравственности – необходимости отречения, в то время как нравственный образ жизни – в практических интересах всего человечества. Этим он напоминает варваров эпохи переселения народов, варваров, убивавших и затем каявшихся в этом, – так что покаяние становилось техническим приемом, расчищавшим путь к новым убийствам» [10, с. 287]. И далее: «Достаточно бесславлен и конечный итог нравственных борений Достоевского. После самых пылких усилий примирить запросы индивидуальных влечений с требованиями человеческого сообщества он вновь возвращается к подчинению мирским и духовным авторитетам, к поклонению царю и христианскому Богу, к черствому русскому национализму... Достоевский упустил возможность стать учителем и освободителем человечества, он присоединился к его

³ Р.Д. Ленг, характеризуя героев Достоевского, называет их «люди с "расколотым Я"». См. об этом: [5].

тюремщикам» [10, с. 285]. Это утверждение Фрейда требует комментария с точки зрения методологии психоанализа литературы. Сознание понимается Фрейдом как рассудочный регулятор человеческого поведения, а культура как система запретов, в которой человек чувствует себя неуютно. Но у Достоевского, вопреки мнению Фрейда, человеку радостно в культуре, которая только начинается с запрета наносить вред любому человеку, и ближнему и дальнему (в православной культуре, на которую ценностно ориентирован Достоевский, этот запрет закреплен в виде заповедей), а завершается внутренним повелением творить ему благо и любить его.

3. Фрейд в своей работе задает ракурс мифологической интерпретации биографии, личности и творчества Достоевского через использование в качестве аналитической базы устойчивых мифов о писателе. Одно из самых распространенных заблуждений психоаналитик делает идейным фундаментом своей концепции. Речь идет о следующем утверждении: если бы Достоевский не был писателем, то в силу деструктивных склонностей своей личности он обязательно стал бы убийцей и растлителем малолетних. В пользу справедливости этого постулата, с точки зрения Фрейда, говорит стремление писателя к истязанию себя и своих близких, к гипертрофированным проявлениям чувства вины, склонность к аффективным состояниям: «откуда приходит соблазн причисления Достоевского к преступникам? <...> из-за выбора его сюжетов, это преимущественно насильники, убийцы, эгоцентрические характеры, что свидетельствует о существовании таких склонностей в его внутреннем мире, а также из-за некоторых фактов его жизни: страсти его к азартным играм, может быть, сексуального растления незрелой девочки (“Исповедь”))» [10, с. 289].

Подтверждением существования этих деструктивных начал личности Достоевского являются, утверждает Фрейд, эпилептические припадки. Размышления психоаналитика сформировали и в медицине, и в науке о Достоевском специфическое направление, которое рассматривает болезнь Достоевского как подтвержденный диагноз с характерным набором признаков – «симптоматическая эпилепсия при последствиях легко протекающего органического заболевания головного мозга, сопровождающаяся пограничным психическим расстройством невротического уровня» [4, с. 44]. Степень мифологизации возрастает, когда называется главная причина возникновения эпилепсии – пожелание смерти отцу, трагически реализовавшееся в реальности и сформировавшее у Достоевского непреодолимый комплекс вины, временное освобождение от которого он получал только в ситуации внешнего наказания (казнь, каторга, болезнь). Косвенным подтверждением этой идеи становятся для Фрейда художественные тексты Достоевского, и в особенности его роман «Братья Карамазовы», где тема отцеубийства занимает центральную позицию и в организации

сюжетного действия, и в системе персонажей, и в аксиологической основе конфликта. По мысли Фрейда, эдипов комплекс является центром экзистенциальных смыслов бытия любого человека, поэтому и в заглавие своей работы он выносит отцеубийство как стержень экзистенции Достоевского⁴.

Подтверждением деструктивного характера сознания Достоевского является для психоаналитика и его религиозность, которую Фрейд определяет как социальный невроз, дополняя образ писателя еще одним провокативным в плане нестабильности психики компонентом. При такой постановке вопроса снимается принципиально важная для мировидения писателя духовная составляющая экзистенциального сознания, связанная с верой в Бога, богоискательством, стремлением к открытию высшей, абсолютной Истины.

Издержки психоаналитического метода связаны с тем, что и Адлер, и Фрейд работают с материалом творчества Достоевского, с эстетическим продуктом деятельности его сознания, что не является достаточным основанием для выводов о его личности. В результате такого «опосредованного» психоанализа, в котором исследователь имеет дело с виртуальным образом писателя, получаются достаточно субъективные выводы. Это порождает целый ряд стратегических ошибок: отождествление писателя и его героев; утверждения о патологической склонности Достоевского к сладострастию; констатация невротического характера психики, реализовавшегося в эпилепсии, внешнем выражении глубинного внутреннего конфликта между разрушительными стремлениями личности (склонность к игре, порочным развлечениям, истязание себя и родных). Понимая ограниченность используемого метода, Фрейд констатировал: «Психоанализ вынужден сложить оружие перед проблемой писательского мастерства» [10, с. 286]. Несмотря на наличие интересных наблюдений, можно сказать, что Адлер и Фрейд не столько занимаются исследованием личности и творчества писателя, сколько используют цитаты из его произведений в качестве аргументов к собственным теориям.

В то же время психоаналитический метод необходимо привлекать для исследования проблемы влияния психогенетических особенностей на личность, мировоззренческую и творческую систему Ф.М. Достоевского. Этот метод активно используется в работах представителей психоаналитического литературоведения (или психоаналитической критики).

В частности, психоаналитические интерпретации творчества Достоевского предлагает в своем исследовании «Русская литература и психоанализ: четыре способа взаимосвязи» американский литературовед, доктор философии Д. Ранкур-Лаферьер. Он выделяет «четыре потенциальные связи» русской литературы и психоанализа (по сути, четыре направления

⁴ Аналогичные идеи высказывает в своей работе И. Нейфельд. См. об этом: [7].

исследования): «русская литература – объект психоанализа», «исследования в области русской литературы – объект психоанализа», «психоанализ – объект русской литературы», «психоанализ – объект русской литературной критики» [9, с. 129]. Важным в работе исследователя является терминологическое и методологическое самоопределение с четким указанием критериев и правил психоанализа: «...скрытое значение высказывания может быть выявлено только путем анализа так называемых свободных ассоциаций – не подвергнутых цензуре свободных высказываний, спонтанно произносимых говорящим в связи с определенной темой» [9, с. 129].

Стратегия анализа текста должна включать в себя анализ «фонологических, морфологических, синтаксических, подтекстуальных, повествовательных, риторических и контекстных» сторон литературного высказывания: «Осознание этих моментов позволяет понять суть бессознательных мотиваций литературных персонажей, подобно тому как наличие клинической карты со свободными ассоциациями пациента приводит психоаналитика к успеху. <...> Переживания писателей передаются посредством различных приемов, метафор, метонимии и персонифицируются в характерах вымышленных героев» [9, с. 130–131].

Особо исследователь оговаривает ситуацию, когда непосредственное общение (как в случае с Достоевским) невозможно и поэтому требует корректировки данной стратегии. Литературоведческое исследование, использующее метод психоанализа, не является в чистом виде психоаналитическим и относится, по определению Д. Ранкур-Лаферьера, к категории прикладного психоанализа. При этом существует структурная связь между «историями» свободных ассоциаций больных, которые являются материалом клинического психоанализа, и текстом как предметом прикладного психоанализа.

Ранкур-Лаферьер полемизирует с Фрейдом о специфике болезни Достоевского. Анализ клинической картины показывает, что писатель страдал не истерическим психосоматическим неврозом, а височной лобной эпилепсией: «Припадки у Достоевского чаще всего сменялись не чувством эмоционального облегчения, а дезориентацией и депрессией. Это случалось и во сне, и во время бодрствования. Иногда Достоевский наносил себе нешуточные увечья» [9, с. 134]. При этом нестабильность клинической картины говорит о том, что отдельные припадки Достоевского могут быть квалифицированы как истерические (в частности, припадок после сообщения Достоевскому о смерти его отца).

Исповедальный характер творчества Достоевского дает возможность исследователю принимать в качестве «свободных ассоциаций» текстовые репрезентации сознания писателя («Припадки», «Дневник лечения в Эмсе», «Дневник писателя» и т.д.), воспоминания современников, фиксирующие его высказывания о своей болезни и отношении к ней. При

этом текст представляется намного сложнее свободных ассоциаций пациента, поскольку объектом интереса здесь становится сама личность автора.

С помощью выбранной стратегии исследования Ранкур-Лаферьер выявляет один из ведущих механизмов текстопорождения писателя – парадоксальность мышления (по определению исследователя, «парадокс разоблачений и сокрытий»): «он раскрывает читателю то, что тот уже знает, но при этом не делает для него явным сам процесс раскрытия» [9, с. 132].

В отечественном литературоведении результаты психоаналитических исследований использует в своей работе «Открытость бездне: встречи с Достоевским» Г. Померанц. Он, как и А. Адлер, отмечает тяготение писателя к обретению цельности через творчество: «Расколотый и рвущийся к цельности дух Достоевского достигал ее только в романе и каким-то таинственным, неизвестным даже его собственному сознанию способом (иначе гений можно было бы моделировать и повторить)» [8, с. 329]. Достигает этого писатель за счет специфического, выработанного им синтетического художественного метода: «Он именно мыслит характерами мыслителей, то есть участвует сразу в двух процессах: литературном и философском. Связь каждой идеи с характером толкает сделать, в любом поворотном пункте, не один, а несколько выводов. Возникает сразу веер искр-идей (в другой своей ипостаси – горящих идеей людей), и завязывается спор. Это чудо романа Достоевского коренится в чуде его личности, слишком широкой, чтобы втиснуться в любой монолог, слишком калейдоскопичной, чтобы сложиться в логическую систему, – и все же достигающей единства» [8, с. 329]. По нашему мнению, эта особенность творческого метода, выявленная Г. Померанцем, отражает специфику текстуальной манифестации экзистенциального сознания писателя, существующего на стыке метафизики и художественного творчества и требующего универсализации смыслов и идей.

Попытка выявить «генетические» первоисточники мировоззрения Достоевского приводит исследователя к тем же мифологемам, что и представителей психоанализа. В частности, он развивает мысль о ценностном совпадении автора и его героев: «Принято отделять мировоззрение автора от высказываний его героев. Филологи пытались проделать эту операцию и с Достоевским, философы с ними не соглашались и упорно называли идеи подпольного человека и князя Мышкина, Ивана Карамазова и Кириллова – идеями Достоевского. Слишком талантливо эти лица, созданные воображением Достоевского, мыслят. Слишком много они дали развитию русской и мировой философии. Скорее они, чем "Дневник писателя" и другие безусловно принадлежащие Достоевскому Федору Михайловичу страницы» [8, с. 329]. Аргументом в пользу подобной позиции служит известный факт биографии писателя – «убежденность Страхова и Тургенева, что

Достоевский сам совершил преступление Ставрогина. Никто не подозревает Щедрина, что он бывал фаршированной головой или органчиком. Или Гончарова, что он не в силах был подняться с дивана и переехать на другую квартиру. Подозревают Достоевского, потому что в исповедях его героев звучит его собственная исповедь. Исповедь экспериментатора, неспособного удержаться от экспериментов воображения» [8, с. 331]. Из-за внутренней склонности писателя к преступлению рождается его особое, сострадательно-исследовательское отношение к преступникам, в каждом из которых он видит и реализует деструктивные ипостаси своей души. Идеи «подпольного человека» – это alter ego самого писателя. Он философствует и исповедуется в грехах через десятки лиц, а не какое-то одно лицо. Исповедальность проявляется в том, что иногда Достоевский выходит из режиссерской позиции и сливается с персонажами (например, с такими неблагоприятными, как Келлер): «Однако есть герои собственно исповедальные, герои, с которыми автор связан не в один какой-то нечаянный миг симбиоза, а постоянно. <...> Герои Достоевского, сплошь и рядом, – именно такие воплощения. И все же это его воплощения. Он не описывает прохожих на улице, он творит лица из самого себя» [8, с. 331].

Психоаналитический подход позволяет выявить особенности уникальной структуры экзистенциального сознания Достоевского. Не рискуя использовать метод «свободных ассоциаций» в рамках литературоведческого исследования, мы тем не менее получаем методологические основания для разговора об особенностях мировидения писателя [3]. Психоаналитический метод исследования форм репрезентации экзистенциального сознания Достоевского является одним из этапов на пути поиска адекватной изучаемому феномену методологии исследования.

Список литературы

1. Адлер А. Достоевский // Практика и теория индивидуальной психологии : лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. - М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. - С. 202–214.
2. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 / сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. - М. : Книга, 1990. - С. 215–233.
3. Кошечко А.Н. Эпилептические припадки в мировоззренческой и художественной системе Ф.М. Достоевского: к постановке вопроса о генезисе экзистенциального сознания // Вестник ТГПУ. - 2011. – Вып. 11 (113). - С. 112–118.

4. Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Достоевский о тайнах психического здоровья. - М. : Изд. Российского открытого университета, 1994. - 163 с.
5. Ленг Р.Д. Расколотое «Я». - СПб. : Белый Кролик, 1995. - 352 с.
6. Лесевицкий А.В. Психоаналитические интерпретации экзистенциальных смыслов жизни героев произведений Ф.М. Достоевского // Политика, государство и право. – 2013. - № 9 [Электронный ресурс]. - URL: <http://politika.snauka.ru/2013/09/960> (дата обращения: 21.01.2014).
7. Нейфельд И. Достоевский. Психоаналитический очерк // Классический психоанализ и художественная литература / сост. и общая редакция В.М. Лейбина. - СПб. : Питер, 2002. - С. 162–216.
8. Померанц Г.С. Мышление характерами мыслителей // Открытость бездне: встречи с Достоевским. - М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. - 352 с.
9. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ: четыре способа взаимосвязи // Русская литература и психоанализ. - М. : Ладомир, 2004. - С. 128–160.
10. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Художник и фантазирование / под ред. Р.Ф. Додельцева и К.М. Долгова. - М. : Республика, 1995. - С. 284–293.
11. Шестов Л. Пророческий дар // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. - М. : Книга, 1990. - С. 119–127.

Рецензенты:

Разумова Н.Е., д.фил.н., профессор, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, г. Томск;

Хатямова М.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, г. Томск.